



УДК 316.347

**ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ****О. Б. Молодов***Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН,
г. Вологда, Россия***IDENTITY AND THE PROBLEM OF SOCIAL CONSOLIDATION:
REGIONAL DIMENSION****O. B. Molodov***Candidate of Historical Science,
senior researcher,
Institute of Socio-Economic Development
of Territories of RAS, Vologda, Russia*

Summary. The article is devoted to the problem of identity of the population of modern Russia, which is important very crucial factor of consolidation of the society. The collapse of the USSR was a prerequisite for the formation of new identity in the countries of the former Soviet Union. The society of the transitional type needs of the adequate national and civic identity of its members. The study shows that obstacles to its formation are: socio-economic differentiation, the cohesion of the population only at the level of local community, low consolidation potential of the traditional religion – primary Orthodox. The article is based on the materials of the regional sociological polls and published sources on this issue.

Keywords: social consolidation; identification; levels of identity; civil identity; national identity; religious identity.

Важнейшим направлением развития многих стран постсоветского пространства, в том числе России, является модернизация, для которой необходимо сплочение населения на основе общих интересов и целей. Однако для этого существует множество препятствий социально-экономического, политического и идеологического характера, среди которых: огромный разрыв в уровне и качестве жизни различных категорий населения, отсутствие единых идеологических установок, низкий уровень институционального доверия россиян, особенно к институтам гражданского общества [12].

Задачей современного российского государства является создание условий для консолидации общества вокруг

базовых общенациональных ценностей и задач, без которых невозможно противостоять вызовам и угрозам. Особенно это актуально для многонационального, поликонфессионального, федеративного государства, каким является Россия. Проблема сплочения общества стоит и на региональном уровне.

В данном контексте важным аспектом представляется формирование идентичности россиян. Общество переходного типа остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. В целях перехода к устойчивому развитию страны особенно востребованной становится гражданская идентичность и обусловленное ею сознание и поведение [2, с. 75–76]. Практическая значимость и ценность



идентичности заключается в том, что от того как люди воспринимают свою идентичность, зависит их отношение к событиям, происходящим в стране [7, с. 23].

Е. Бабосов, характеризуя самоидентификацию, говорит о трёх её типах:

1) человек определяет себя как принадлежащего к какому-либо сообществу и одновременно чувствует причастность к нему, сопереживает его проблемам;

2) человек заявляет о своей принадлежности к какой-либо группе, но не испытывает чувства близости к ней;

3) человек не говорит о принадлежности к сообществу, но испытывает чувства близости и причастности к нему, озабоченность его проблемами. Однако только первый тип соответствует самоидентификации в полном смысле слова [2, с. 75].

Самоидентификация связана с социокультурной диспозицией «свой – чужой», которая изучается различными общественными науками – социальной философией, социологией, культуроло-

гией – с целью исключения или нивелирования межэтнических и межличностных конфликтов [9, с. 66].

Данные последнего мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) наглядно демонстрируют, что жители региона в основном ощущают принадлежность к локальному сообществу (табл. 1). «Своими» примерно треть опрошенных считают жителей поселения, в котором они проживают (32 %), «близкими, но не своими» – 44 %. Каждый пятый чувствует близость с региональным сообществом (22 %). Примечательно, что жителей России относят к «своим», то есть наиболее близким всего 9 % респондентов, а почти треть (30 %) относится к ним безразлично. В равной мере отдалёнными чувствуют себя воложане от населения республик бывшего СССР и планеты в целом.

Таблица 1

В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдалённость («своё» – «чужое») с такими людьми? (% от числа опрошенных)

Категория населения	Своё	Близкое, но не своё	Безразлично	Далёкое, но не чужое	Чужое
Жители поселения, в котором я живу	32,4	44,1	19,2	3,4	0,9
Жители всей области	21,7	41,3	24,0	10,8	2,2
Жители всей России	9,4	26,9	30,1	25,0	8,6
Жители бывших республик СССР	5,8	18,2	34,8	26,3	14,9
Жители всей Земли	5,8	16,0	34,1	24,7	19,3

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г.

Слабая общегражданская идентичность отчасти объясняется историческими причинами. Единственный крупный этнос, которому в СССР было

отказано в возможности создания «своей» нации, был русский. Многонациональная РСФСР, территориально совпадающая с нынешней Россией, стала



республикой, где этнические русские стали своего рода связующим материалом для создаваемых кирпичиков-наций [6, с. 65]. С распадом СССР на данной территории из бывших АССР по национальному принципу сформировались республики, автономные округа и автономная область. Остальные регионы, населённые преимущественно русскими, сохранили статус краёв и областей.

В бывшем Союзе ССР доминировала так называемая «советская» иден-

тичность, имевшая надэтнический характер. Тогда многие ощущали себя в рамках повседневности и в зарубежных поездках в первую очередь как советские люди, а затем уже как русские, казахи, татары и т. п. [13, с. 96]. С исчезновением советской идентичности произошло понижение её структурирования до уровня локального этнически гомогенного общества, что, в частности, показывают индексы идентичности населения исследуемого региона (табл. 2).

Таблица 2
Индексы идентичности жителей Вологодской области (% от числа опрошенных)

Категория населения	Сумма ответов «своё» и близкое, но не своё»	Сумма ответов «чужое» и далёкое, но не чужое»	Индекс идентичности*	Доля ответов «безразлично»
Жители поселения, в котором я живу	76,5	4,3	172,2	19,2
Жители всей области	63,0	13,0	150,0	24,0
Жители всей России	36,3	33,6	102,7	30,1
Жители бывших республик СССР	24,0	41,2	82,8	34,8
Жители всей Земли	21,8	44,0	77,8	34,1

Примечание. * Для расчёта индекса из суммы ответов «своё» и «близкое, но не своё» вычитается сумма ответов «чужое» и «далёкое, но не чужое», затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г.

Как отмечают исследователи, объясняя низкий уровень общегражданской идентичности, после распада СССР, разоблачая советское прошлое, уничтожили многие символы, разорвали связь времен и поколений. С середины 1950-х гг. в нашей стране каждая смена политического лидера страны начиналась с резкой критики предшественника и недавнего прошлого («десталинизация», «дехрущевизация» и т. п.) [7, с. 23–24].

Существенную роль в трансформации идентичности жителей РФ русской национальности играют происходящие

миграционные процессы. Если ранее русские не придавали особого значения национальной принадлежности и отождествляли себя прежде всего с государством, то сейчас они выдвигают на первый план этноидентичность. При этом чаще происходит противопоставление себя внутреннему «другому» (представителю иного расового типа и другой культуры), а не внешнему как прежде [3, с. 132]. Несмотря на знание внутренними мигрантами русского языка и наличие у них гражданства РФ даже небольшое изменение этнического состава местного сообщества ведёт



к нарастанию межнациональной напряженности [3, с. 130].

Особая ситуация сложилась на Северном Кавказе, где возник глубинный социокультурный раскол на тяготеющие к модернизации «русские» края и области и национальные республики, которым свойственны демодернизационные процессы. Там этничность из сферы идентичности перешла в социально-политическую плоскость, усилив националистические проявления и противодействуя социальной консолидации [11, с. 24]. Базовые составляющие в российской идентичности (этническая, региональная, религиозная формы) в этом регионе сложны и нелинейны, поэтому важным условием успешного функционирования данной системы является оптимальное взаимодействие отмеченных форм идентичности [8, с. 10].

В мононациональной Вологодской области консолидирующим фактором может выступить историческая predisposition русского населения к православию, общая религиозная идентичность. Несмотря на масштабную социальную трансформацию, ре-

лигия продолжает играть важную роль в жизни общества и в личной жизни людей. В 1990-е гг. в мире отмечается тенденция усиления религиозной идентичности, которая отчасти объясняется ответной реакцией на проявления глобализма [10, с. 120]. В последние годы рост исламского фундаментализма в значительной степени актуализировал проблему религиозной самоидентификации.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., 97,3 % жителей Вологодской области из числа указавших свою нацию отнесли себя к русским. Вологодчина, известная как «Северная Фиваида», из-за плотной церковной топографии, множества православных храмов и крупных монастырей, в настоящее время не отличается повышенной религиозностью населения. Судя по результатам опроса 2012 г., среди жителей региона неверующих больше, чем в среднем по России (20 % против 13), а исповедующих православие и относящих себя к Русской православной церкви (РПЦ) существенно меньше (30 % против 41) (табл. 3).

Таблица 3

Конфессиональная самоидентификация населения Вологодской области
(в % от числа опрошенных) [1, с. 110, 166]

Варианты ответов, выбранные из предложенных	В целом по РФ		По Вологодской области
	Доля от всех опрошенных	Доля от опрошенных русских	
Верю в бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	25	27	39
Исповедую православие, принадлежу к РПЦ	41	46	30
Не верю в бога	13	14	20
Исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	4,1	4,3	2
Исповедую православие, но не принадлежу РПЦ и не являюсь старообрядцем	1,5	1,5	1

Примечание. * Опросы проводились Фондом «Общественное мнение» в 2012 г., выборка 56900 респондентов от 18 лет и старше в 79 субъектах РФ.



Наибольшая часть респондентов признала себя «верующими без религии» (39 %), а 2 % – «христианами без конфессии». Остальные показатели конфессиональной самоидентификации в целом соответствуют общероссийским. Что касается религиозной практики, то жители Вологодской области в меньшей степени соблюдают предписания своей религии (13 % против 22) и реже молятся (7 % против 12) [1, с. 166].

Сегодня отмечается явный разрыв между религиозной идентификацией и действительной воцерковлённостью. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, обычно около 20 % респондентов сознательно относят себя к приверженцам традиционных религий. Социологические исследования показывают, что почти половина неверующих респондентов участвует в религиозных праздниках, а каждый пятый периодически посещает храм [4, с. 10].

Мониторинги общественного мнения свидетельствуют о том, что содержание веры у называющих себя верующими людьми зачастую лишено определённости, при этом религиозные идеи вполне уживаются с мистикой: верой в магию, колдовство, астрологические прогнозы и пророчества. Социологи считают, что сегодня мы имеем дело с культурной религиозностью, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет её вероучения, не участвует в обрядах и не входит в общину верующих [15].

Негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное социальное расслоение. Каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания [14, с. 12]. Нынешняя система представляется боль-

шинству несправедливой, что ведёт к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, размывает важнейшие консолидирующие начала – справедливость и восприятие государства как общего дела [5].

Исследователи сходятся во мнении, что необходимо формировать надэтническую общегражданскую идентичность, которая синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, этнические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах согражданства [6, с. 67]. Попытки форсировать формирование новых идентичностей взамен советской обречены на провал, поскольку это медленный процесс, требующий определения «конечной» цели, идеала, к которому страна должна стремиться [7, с. 19].

Многонациональный и поликонфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток мигрантов, смена поколений и значительный разрыв между богатыми и бедными делают процесс формирования идентичности чрезвычайно сложным. Даже в «русском» и относительно стабильном регионе, каким является Вологодская область, формирование общегражданской идентичности не завершилось, сплочение населения ощущается только на уровне местного сообщества, а традиционная религия не обладает значительным консолидационным потенциалом.

Библиографический список

1. Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации. URL: sreda.org/arena (дата обращения 10.10.2015).
2. Бабосов Е. Идентичность как фактор консолидации // Беларуская думка. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
3. Барков Ф. А., Сериков А. В. Этнонациональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 129–140.



4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М. П. Мchedlov. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Культурная революция, 2009. – 400 с.
5. Даминдарова Ф. В., Исмаилова Г. Ш. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе // Власть. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
6. Делокаров К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности // Управление мегаполисом. – 2011. – № 5. – С. 18–26.
7. Делокаров К., Шадже А., Чефранов С., Кува Е. Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе в синергетической парадигме // Власть. – 2013. – № 2. – С. 9–13.
8. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Мечты россиян и реальность демоскопии // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 7–26.
9. Истомина О. Б. Диалог в условиях диспозиции «свой-чужой» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 66–70.
10. Казьмина О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 304 с.
11. Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. – 2015. – № 3. – С. 20–27.
12. Молодов О. Б. Доверие как фактор консолидации общества (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 5 (5). – С. 4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=2989>.
13. Молодов О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. – 2014. – № 6 (50). – С. 95–102.
14. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под ред. М. К. Горшкова. – М.: Российская газета, 2007. – 444 с.
15. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
2. Buboies E. Identichnost kak faktor konsolidacii // Belaruskaja dumka. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
3. Barkov F. A., Serikov A. V. Jetnonacionalnye faktory mezhjetnicheskikh otnoshenij v kontekste migracionnyh processov v Rostovskoj oblasti // Gumanitarij Juga Rossii. – 2014. – № 3. – С. 129–140.
4. Vera. Jetnos. Nacija. Religioznyj komponent jetnicheskogo soznaniya / отв. ред. М. П. Мchedlov. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Kulturnaja revoljucija, 2009. – 400 s.
5. Damindarova F. V., Ismagilova G. Sh. Jetnicheskaja, nadjetnicheskaja i grazhdanskaja identichnost v rossijskom politicheskom diskurse // Vlast. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
6. Delokarov K. Process modernizacii i problemy rossijskoj identichnosti // Upravlenie megapolisom. – 2011. – № 5. – С. 18–26.
7. Delokarov K., Shadzhe A., Chefranov S., Kuka E. Ukreplenie rossijskoj identichnosti na Severnom Kavkaze v sinergeticheskoj paradigme // Vlast. – 2013. – № 2. – С. 9–13.
8. Gorshkov M. K., Tihonova N. E. Mechty rossijan i realnost demoskopii // Politicheskie issledovanija. – 2013. – № 5. – С. 7–26.
9. Istomina O. B. Dialog v uslovijah dispozicii «svojchuzhoj» // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 6. – С. 66–70.
10. Kazmina O. E. Russkaja pravoslavnaja cerkov i novaja religioznaja situacija v Rossii: jetnokonfessionalnaja sostavljajushhaja problemy. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. – 304 s.
11. Komarovskij V. S. Formirovanie nacionalnogosudarstvennoj identichnosti Rossii: vyzovy i riski // Vlast. – 2015. – № 3. – С. 20–27.
12. Molodov O. B. Doverie kak faktor konsolidacii obshhestva (na primere Vologodskoj oblasti) // Voprosy territorialnogo razvitija. – 2013. – № 5 (5). – С. 4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=2989>.
13. Molodov O. B. Problemy identifikacii naselenija Kazahstana i Kyrgyzstana // Socium i vlast. – 2014. – № 6 (50). – С. 95–102.
14. Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: Sociologicheskij portret sovremennoj Rossii / pod red. M. K. Gorshkova. – М.: Rossijskaja gazeta, 2007. – 444 s.
15. Filatov S. B., Lunkin R. N. Statistika rossijskoj religioznosti: magija cifr i neodnoznachnaja realnost // Sociologicheskie issledovanija. – 2005. – № 6. – С. 35–45.

Bibliograficheskiy spisok

© Молодов О. Б., 2015